

ГДЕ ЖЕ НАШИ КОРНИ?

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ

В ОТ ЖИВЕШЬ так, живешь и вдруг спохватиться: батюшки, уже идет шестой десяток, а что сделал, чего добился? Что ты из себя представляешь? Где твои корни? В нашей действительности так уж устроено, что личность не всегда может себя выразить. Что сейчас происходит? Куда мы идем? Как жить дальше? Вопросов много, а ответов не очень. Меня, как рядового человека, давно интересует страница в истории Советского государства. Это коллективизация, раскулачивание или раскрестьянивание. Кто такой был кулак? Под влиянием прочитанного и увиденного в фильмах у меня сложился образ этакое бородатого, хмурого, угрюмого человека, замышляющего что-то нехорошее против Советской власти, и обязательно с обрезом: он враг государства и должен быть уничтожен...

Сейчас мы знаем благодаря гласности: кулаков было по стране в то время 2 процента. Я не буду углубляться в историю и пересказывать то, что читал и слышал, а постараюсь рассказать о нашей семье, потому что она как раз кулацкая, по тем меркам. Мои родители родились в Зауралье в Курганской области в селе Колесниково. Мама выросла и воспитывалась в семье дяди Стегана и тетки Ульяны. Они были бедны и взяли ее, сироту, к себе. Дед мой погиб в 1914 году, защищая отечество. Был он богатый человек, имел крепкое хозяйство. Дядя Стеган тоже был состоятельным, очень мастеровой, как и большинство тогдашних мужиков. Жили хорошо, вспоминает мама, всего было в достатке. Места у нас привольные: земля черная, гор нет, кругом села озера, в них много рыбы. В лесах раздолье грибов и ягод. Бывало, запрягут лошадь — и в лес, а возвращаются с полной телегой грибов. Дома стояли в основном крепкие, люди жили зажиточно. Пошли в амбар за подсолнечным маслом, схвачу ведро, зачерпну из кадушки и несу. Конечно, все это нежито честным трудом, и немало было пролито пота. Работали не по семь часов, особенно когда приходило время сеять или убирать выращенное. А сеяли и рожь, и пшеницу, и другие культуры.

Мама, конечно, не чуралась никакой работы: хотя и родные, но все же не отец с матерью. Шло время, и вот подошло замужество. Выбрали богатого жениха Ивана — всего отца. Дед мой Никита по отцу, по словам мамы, был богатый человек, построил в селе церковь, и была она очень красивая. Сыграли свадьбу в 26 году. Молодые стали жить в доме деда в одной половине, в другой — брат моего отца Петр. Дом основательный, стояли крепкие амбары, у мамы было несколько лошадей и коров, овцы, свиньи, гуси, куры. Пошли дети — мои сестры, брат.

Жили в поте и работе, не тужили. Пошли слухи о раскулачивании. Как известно, было несколько волн раскулачивания. Которые поумней и дальновидней, продавали дома и уезжали в город. Моя бабушка по отцу Матрена было заикнулась, что, мол, давайте, мужики, уедем в город, но сын Петр цыкнул на нее:

не твоего ума дело.

Несколько слов о бабушке. Я помню ее уже в Первоуральске. Добрайшее было существо, про таких говорят: муки не обидит. Конечно, она не стала спорить с сыном потому, что имела покладистый характер.

О БРАЗОВАЛСЯ колхоз. Сначала было 22 хозяйства и был относительный порядок, но когда его слили с другим, наступила бесхозность. Кони стали дохнуть, коровы — тоже, упала дисциплина. Несколько лет мама с отцом работали в колхозе. Но волна раскулачивания докатилась и до них. Погрузили семью в телеги. Они второпях похватили кое-что из вещей, и поехали неизвестно куда. Привезли на станцию, погрузили в телячьи вагоны — и в Пермь. В Перми на пароход и по Каме в тайгу (тогда она еще была). Привезли, поселили в дырявом бараке. Женщин снарядили валить лес. Мужиков — сплавлять бревна по Каме. Мама работала в бригаде из семи женщин. Труд был адский, зимой снег по грудь. Мучились страшно. Нормы высокие, кормешка плохая, а работать заставлял политрук, который жил в поселке. Был, правда, садик, где находились дети спецпереселенцев. От тяжелой работы, от плохой еды начались болезни, мама тоже болела тифом, но выздоровела. И еще она спаслась сама и сохранила детей тем, что, захватив с собой вещи, меняла их на съестное в окрестных деревнях.

В 1934 году моих родителей привезли в Первоуральск на строительство Новотрубного завода. Погнали на спецпоселке. В 1937 году я появился на свет на новой родине и был шестым ребенком. После высылки семья так пообносилась, что, бывало, вымощилась в бане, а сменить белье не на что. Тогда выстираешь грязную нижнюю рубашку да и на себя. Жили очень бедно, зато работали вволю. Мама, конечно, была на тяжелых работах со своим двухклассным образованием. Придет с работы усталая, а тут комендант снаряжает на другую работу: канавы рыть или что другое. Спецпереселенцы ведь не имели никаких прав, они были как бы и не люди. Паспортов не полагалось, без разрешения коменданта не имели право отлучаться даже в Свердловск. Вот так из богатых стали бедные. Из хозяев превратились в батраков.

Мама вышла на пенсию в 1959 году, проработав 19 лет в гостанции смольщицей. Я бывал у нее в цехе, работа вредная, грязная. Тогда еще не было природного газа: и цех vyrabatyвал его. Не знаю уж, как получилось, но вместо 120 рублей, положенных по вредности и по стажу, маме начислили пенсию в 63 рубля. Мама с подругами пыталась жаловаться, но тщетно. Конечно, ей сейчас прибавили и она получает 140 рублей, но зачем ей сейчас деньги, если ей исполнился 81 год и если она практически не выходит из дома, с трудом передвигается?

Я вообще удивляюсь, как она осталась человеком после всего того, что на нее обрушилось. Сохранила любовь к людям, доброжелательность, да просто осталась честным человеком. И в таком преклонном возрасте жалеет только о

том, что не может так же работать, как в молодые годы. Что-нибудь да делает, хотя болят руки и плохо видят глаза, что-нибудь распускает, да еще и водится с правнуками.

Я РЕШИЛ рассказать об этом для того, чтобы хоть как-то в меру своих сил осветить то положение, в котором очутились совершенно безвинные люди, вина которых в том, что они очень хорошо работали и соответственно этому жили. И сейчас, когда мы находимся у разбитого корыта, когда предпринимаются попытки вернуться к частной собственности, я думаю: надо честно и беспристрастно, а главное, правдиво рассказать, как все это было. Это надо нам всем и особенно молодым. Потому что разрушать легче, восстанавливать намного труднее, и восстановим ли?

Конечно, сейчас можно только сожалеть, что так было много совершенно ошибок, и каких ошибок! Сейчас это признано в самых высоких инстанциях и назван виновник: сталинщина. Я пружил при Сталине 16 лет. Хорошо помню, как его хоронили. Мы сидели с сестрой у репродуктора, слушали передачу с Красной площади. В школе был митинг, все учителя плакали. Вот Сталина нет уже почти 40 лет, а система, которую он создал, живет и здравствует, и ничего с ней не можем поделать. Зато она над нами здорово «постаралась». Родители наши по-христиански принимали все сыпавшиеся на них трудности. И нас окрестили. Я тоже до 4-го класса верил в Бога, но потом перестал под влиянием учительницы. Что я тогда понимал? Сейчас бы можно вернуться к вере, но ее уже нет у меня. Я, как Фома неверующий, никому и ничему не верю, пожалуй, кроме мамы. Ведь что самое святое у человека? По моему разумению, мать и Родина. С родины, где корни, мою семью изгнали. А я стал сыном спецпереселенцев.

Сейчас мама живет с моей сестрой Фросей, у нее отдельная комната. Когда я захожу ее попроведать, мама часто рассказывает о прошедшей жизни. За свой честный труд она награждена четырьмя медалями, на дверях висит табличка: ветеран труда ВОВ. Я благодарен маме, что она у меня такая, и горжусь ею (конечно, не за медали). Надо самскритично признать (лучше сестры на меня не сбиваются): мы мало что унаследовали от своих родителей. Нет у нас такого трудолюбия, умения, мастерства. Если отец мой был крестьянин-коневозчик, то я вроде немного поднялся повыше, окончил техникум с помощью мамы: она каждый месяц отрывала мне от своей скудной пенсии. Мне грех обижаться на маму, да и на Советскую власть, никто вроде не притесняет, у меня хорошая жена. Но состоялся ли я как личность? На мой взгляд, нет, потому что потеряны связи с землей. Я ее не чувствую, нет у меня к ней тяги, нет и все! А что делать? Может, новые поколения будут лучше нас, будут у них свои корни, которых нет у нас.

Б. ФОМИНЦЕВ.

Гонорар прошу перечислить в фонд развития «ПЭЛ».